

Сегодня на Лянь Цзюне был бирюзовый халат с белыми узорами. Он сидел на татами, лениво откинувшись на бежевую подушку, и совершенно не походил на босса преступного мира — скорее, он казался древним аристократом, беззаботным и раскованным.

Он подождал, пока Ши Цзинь сядет, затем начал наливать ему чашу вина, спросив:

— Ты так счастлив?

Улыбка на лице Ши Цзиня на секунду застыла. Он посмотрел на шкалу прогресса над головой Лянь Цзюня, которая показывала 600 пунктов, и в его мыслях воцарился хаос: «Сяо Сы, что случилось? Разве шкала прогресса твоего Дорогого не упала до 500 пять дней назад? Почему сейчас она на 100 пунктов выше?!»

Сяо Сы тоже остолбенело. Оно заикаясь произнесло:

<Я, я не знаю.>

Не получив ответа, Лянь Цзюнь заглянул в слегка расфокусированные глаза Ши Цзиня и, не теряя самообладания, спросил:

— На что ты смотришь?

— Я смотрю на твое... — Ши Цзинь вовремя спохватился. Не раздумывая ни секунды, он перехватил руку Лянь Цзюня, державшую бутылку вина, и криво улыбнулся: — ...Твое лицо — ты выглядишь нездоровым, а я еще несовершеннолетний. Нам обоим действительно не стоит пить, так что давай забудем о вине...

Взгляд Лянь Цзюня упал на его руку.

Ши Цзинь инстинктивно проследил за его взглядом.

Пухлая и бледная лапа нагло сжимала бледную, изящную руку, держащую изысканную фарфоровую бутылку. Почему-то это выглядело действительно неприлично.

Сяо Сы не знало, плакать ему или смеяться:

<Я должно радоваться, видя, что вы ладите, но ЦзиньЦзинь, почему твоя шкала прогресса снова выросла? И сразу до 950, мне страшно, ва-а-а...>

Ши Цзинь отдернул руку и плаксиво объяснил:

— А-а, я не хотел трогать твою руку...

— Я знаю. — Лянь Цзюнь убрал руку и нажал на звонок на столе, сказав мягким тоном: — Точно так же, как ты не хотел трогать мои ноги несколько дней назад.

Ши Цзинь: «...» *Хочется плакать, да слез нет — почему ты такой негодник?*

Как только раздался звонок, дверь открылась. Один из мужчин, присутствовавших в коридоре пять дней назад, появился на пороге и с почтительным выражением лица произнес:

— Цзюнь-шао.

— Гуа Сань, пойди и принеси вещи мистера Ши, — приказал Лянь Цзюнь.

Гуа Сань кивнул в знак согласия и осторожно закрыл дверь.

В комнате снова воцарилась тишина. На этот раз Ши Цзинь не осмеливался ни говорить, ни оглядываться по сторонам. Он опустил голову и притворился каменной статуей.

Лянь Цзюнь не смотрел на него. Он взял палочки для еды и съел кусочек; его бледные губы стали чуть темнее. Он спросил:

— Почему ты не ешь? Еда не в твоём вкусе?

Зачем спрашивать, если ты и так знаешь ответ?

Ши Цзинь прикусил язык, взял свои палочки и потянулся к ближайшей тарелке с маринованными огурцами. Он твердо решил держаться подальше от Лянь Цзюня — этого прекрасного людоеда.

— Мне говорили, что шестой молодой господин семьи Ши любит любую еду, но ненавидит огурцы... Очевидно, люди, которые любят есть пищу с ярко выраженным вкусом, считают огурец безвкусным, — медленно и обдуманно произнес Лянь Цзюнь, подцепляя арахис.

Рука Ши Цзиня на секунду оцепенела, и его палочки схватили трехцветную жареную креветку, лежавшую рядом с маринованными огурцами. В уме он начал жаловаться Сяо Сы:

«Твой Дорогой пытается откормить меня на убой, ты не можешь его как-то остановить?»

Сяо Сы замялось, не желая смотреть правде в глаза:

<Ты... ты говоришь глупости, у моего Дорогого чистое и честное сердце, он, он бы не стал...>

— Он ведь не стал бы намеренно ставить передо мной маринованные огурцы, чтобы проверить меня? — сквозь стиснутые зубы процедил Ши Цзинь мрачным голосом. — Он ведь не стал бы намеренно неправильно понимать то, что я схватил его за ноги?

Сяо Сы ответило тихим голосом:

<Но ты ведь и правда их трогал... Это, эм, было приятно?>

Ши Цзинь почувствовал, что его система пытается свести его в могилу от злости.

<Ну ладно...> Видя, что он отказывается говорить, Сяо Сы смягчилось и решило его успокоить. <Чувства нужно возвращать медленно, а доверие не строится за одну ночь. Сначала я попытаюсь сделать так, чтобы мой Дорогой меньше тебя остерегался, просто подожди и увидишь.>

Услышав это, Ши Цзинь почувствовал себя немного лучше. Он отправил в рот креветку, которую долго держал в палочках.

Лянь Цзюнь, наблюдавший за его действиями, спросил:

— Что ты сейчас делал, молился за упокой душ мертвых креветок перед тем, как их съесть?

Ши Цзинь быстро прожевал и проглотил. Он безмятежно ответил:

— Мой папа часто говорил мне, что нужно уметь быть благодарным. Будь то вкусная еда,

теплое солнце или улыбка прохожих — все хорошие вещи заслуживают благодарности. А еще мы должны быть особенно благодарны тем, кто нам помог!

Лянь Цзюнь отложил палочки и взял свою чашу.

— Я удивлен, что мистер Ши Синжуй, известный своим свирепым и безжалостным нравом, учил своих детей быть такими... добрыми и внимательными. Это поистине неожиданно.

«Он только что прикинулся дурачком! Он хочет отрицать то, что я спас ему жизнь, вот задница!» — сердце Ши Цзиня наполнилось негодованием.

Сяо Сы быстро его успокоило:

<Все в порядке, я дал тебе бафф, Дорогой больше не будет тебя обижать! ЦзиньЦзинь — самый лучший, я люблю тебя, ЦзиньЦзинь, ЦзиньЦзинь — самый милый ребенок во всем мире!>

Ши Цзинь: «...» Услышав подобную «лесть», ему вдруг захотелось выплюнуть только что съеденную креветку.

Пока они препирались, в дверь снова постучали, и на пороге появился незнакомец с сумкой. У него были короткие волосы и симметричное лицо с глубоко посаженными глазами, а брови были сдвинуты в вечном хмуром выражении. Его радужки были ярко-зелеными, что указывало на смешанное происхождение.

— Цзюнь-шао, — почтительно позвал мужчину.

Выражение глаз Лянь Цзюня неуловимо изменилось.

— Почему ты здесь, а где Гуа Сань?

— Гуа Саня отозвал Гуа И, — прямолинейно ответил мужчина.

Лянь Цзюнь кивнул, принимая его слова, и приказал:

— Положи вещи и выйди.

— Да, сэр. — Мужчина вошел в комнату, положил сумку на стол и тихо удалился, все это время полностью игнорируя Ши Цзиня.

Ши Цзинь слегка нахмурился.

«Ты заметил?» — задумчиво спросил он систему в своих мыслях.

Сяо Сы нерешительно произнесло:

<В тот момент, когда этот человек вошел в комнату, шкала прогресса Дорогого, казалось, немного поднялась. А когда он ушел, она снова упала.>

«Значит, мне не показалось». Ши Цзинь отложил палочки и невольно посмотрел на закрытую дверь. Он нахмурился еще сильнее. «Этот человек хочет убить Лянь Цзюня, так что он — смертоносный фактор. Возможно, причина того, что шкала прогресса Лянь Цзюня росла в последние несколько дней, кроется в нем».

<Но он, кажется, его подчиненный...> Тон Сяо Сы также стал более мрачным.

Лянь Цзюнь, наблюдавший за тем, как Ши Цзинь то и дело поворачивает голову к двери, спросил:

— Похоже, мистер Ши весьма заинтересован в Гуа Сы?

Ши Цзинь перевел взгляд обратно на Лянь Цзюня и шкалу прогресса над его головой. Выражение его лица стало более серьезным. «Этого человека зовут Гуа Сы?» Гуа Эр, Гуа Сы, а тот, что был раньше — Гуа Сань — их имена следуют одному формату и соответствуют их рангу. Они могут близко контактировать с Лянь Цзюнем и, кажется, являются его важными доверенными лицами... С этим будет непросто разобраться.

Лянь Цзюнь покрутил в руке чашу с вином. Его черные глаза, напоминающие бездонный омут, смотрели прямо на Ши Цзиня, и он легко произнес:

— Внешность Гуа Сы всегда привлекала внимание. Я не возражаю против того, чтобы мои подчиненные влюблялись.

Какого черта он несет?

Ши Цзинь, не поняв скрытого смысла, проигнорировал эти слова и ответил на предыдущий вопрос Лянь Цзюня:

— Да, я действительно заинтересован в Гуа Сы.

— Мм. — Лянь Цзюнь сделал глоток вина, и его веки опустились, скрывая настроение.

Сяо Сы содрогнулось:

<ЦзиньЦзинь, почему твоя шкала прогресса поднялась до 960?>

Ши Цзинь вздрогнул. Он посмотрел на Лянь Цзюня, который, казалось, был полностью сосредоточен на вине, и продолжил, почти скрежеща зубами:

— Это потому, что я его боюсь! В тот день, когда меня поймали, он смотрел на меня в щель приоткрытой двери. Его глаза были холодными и жестокими, мне показалось, что они похожи на глаза кровожадного зверя. Теперь, когда я встретил его снова, я думаю, что мое чутье меня не подвело — он очень опасен. Он даже не похож на хорошего человека.

И он не похож на того, кто предан своему хозяину.

На середине этой фразы Лянь Цзюнь снова поднял глаза. Он посмотрел на говорящего Ши Цзиня и сделал еще один глоток вина. Выражение его лица было непроницаемым, что не позволяло понять, о чем он думает.

<Она падает, падает! ЦзиньЦзинь, твоя шкала прогресса упала до 950!> — радостно завопило Сяо Сы.

«Зато шкала твоего Дорогого выросла, по два пункта за каждый глоток вина», — окатил систему холодной водой Ши Цзинь. Он потерял терпение из-за этих постоянных колебаний и из-за того, что они оба пытались прощупать друг друга. Он встал, сел рядом с Лянь Цзюнем, выхватил у него чашу с вином и засунул в нее свои использованные палочки для еды. Он раздраженно сказал:

— Если у тебя плохо со здоровьем, тогда не пей! Тебе так надоело жить? Хватит болтать и ешь

— я голоден и пока не хочу с тобой разговаривать.

После этого Ши Цзинь взял палочки и начал есть, все еще думая о предполагаемом злодее, Гуа Сы.

Он находился далеко от своих братьев, а Лянь Цзюнь, хоть и был непредсказуем, пока вроде бы не хотел его убивать, так что, даже если его шкала прогресса была почти заполнена, можно было сказать, что Ши Цзинь сейчас в безопасности.

А вот Лянь Цзюнь — нет. Его пункты быстро росли и падали, очевидно, его смертоносные факторы отличались от тех, что угрожали Ши Цзиню. Рядом с ним был возможный предатель, а здоровье было плохим — его ситуация была гораздо опаснее.

И правда, нет быстрого и легкого способа заставить шкалу прогресса Лянь Цзюня упасть...
Ши Цзинь взял кусочек рыбного филе и оплакал наивного себя пятидневной давности.

Это был первый раз, когда у Лянь Цзюня отобрали чашу с вином. Он долгое время сидел в ошеломлении, а затем посмотрел на Ши Цзиня, который уплетал еду за обе щеки. Как ни странно, он не разозлился на его грубость и не был раздражен из-за того, что тот сидел слишком близко — наоборот, глядя на то, как ел Ши Цзинь, Лянь Цзюнь подумал, что еда, должно быть, очень вкусная. Он почувствовал голод, шевельнул палочками и потянулся за рыбным филе, которое только что ел Ши Цзинь.

Ужин, начавшийся с волнений, закончился вполне мирно.

Сытого и напившегося Ши Цзиня невзрачный Гуа Сань проводил в уютную и комфортную комнату. Прижимая к груди свой потерянный и вновь обретенный багаж, он в замешательстве спросил:

«Почему моя шкала прогресса упала обратно до 880 после еды? Может ли быть так, что люди, которые молчат, живут дольше?»

Сяо Сы гордо выпятило грудь:

<Это потому, что сработал бафф, который я тебе дал.>

Тут Ши Цзинь вспомнил, что он, в конце концов, тоже был парнем с золотым пальцем. Его глаза загорелись:

«Так какой именно бафф ты на меня наложил? Бонус доверия или бонус дружелюбия?»

<Ничего подобного,> — Сяо Сы покачало головой и объяснило: — <Доверие и дружелюбие — это то, что другие чувствуют по отношению к тебе, а я не могу влиять на других людей — моя сила работает только на тебя.>

Ши Цзинь не был убежден:

«Так какой же бафф ты мне в итоге дал?»

Сяо Сы замялось.

У Ши Цзиня появилось нехорошее предчувствие. Его голос потяжелел:

«Чистосердечное признание смягчает наказание, а запирательство — усугубляет».

Угроза сработала весьма неплохо. Сяо Сы сдалось и пробормотало:

<Вы же просто вместе ели? Я подумало, что если еда будет вкусной, ты будешь счастлив и атмосфера станет лучше, поэтому... поэтому я наложил на тебя бафф "Вкуснятина!"...>

Ши Цзинь не понял:

«Что это за бафф такой? Он делает еду вкуснее или улучшает мой аппетит?» Но ведь он не так уж много съел за ужином.

<Не совсем,> — голос Сяо Сы становился все тише и тише. — <То есть, он заставляет любого, кто ест с тобой, чувствовать, что его еда очень вкусная... Разве ты не видел, как мой Дорогой съел целую миску риса?>

Ши Цзинь: «...»

****Примечания переводчика:****

* «Твой Дорогой пытается откормить меня на убой» — в оригинале 餵食 (Пир на Хунмэнь), метафора ловушки или предательского пира.

* «ЦзиньЦзинь — самый лучший, я люблю тебя, ЦзиньЦзинь, ЦзиньЦзинь — самый милый ребенок во всем мире!» — на китайском это звучит как «最最最, 最最最, 最最最最最最最!» (букв. ЦзиньЦзинь, ты самый лучший; чмоки-чмоки, ЦзиньЦзинь; ЦзиньЦзинь — самый красивый несовершеннолетний в мире!).

* «Чистосердечное признание смягчает наказание, а запирательство — усугубляет» [口無遮攔] — традиционная политика уголовного правосудия в Китае, ставшая крылатой фразой.

<http://bllate.org/book/18125/1740832>